

Научная статья

УДК 316.334.56

doi: 10.17223/1998863X/85/16

ГОРОДСКАЯ ГЕТЕРОТОПИЯ КАК ТРЕТЬЕ МЕСТО: ИНТЕГРАЦИЯ ПОДХОДОВ

Георгий Денисович Шаров

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия, gdsharov@hse.ru*

Аннотация. Статья посвящена обоснованию интеграции концепций гетеротопии и третьего места. Несмотря на хорошо зарекомендовавшую себя концепцию третьего места, она имеет ключевой недостаток, выраженный в элитистском характере концепции. Рассмотрение третьих мест с применением оптики городских гетеротопий позволяет преодолеть этот недостаток. В статье интеграция двух подходов применяется для анализа примера гаражно-строительных кооперативов.

Ключевые слова: третье место, гетеротопия, гаражно-строительные кооперативы, социальное неравенство, социальное пространство

Для цитирования: Шаров Г.Д. Городская гетеротопия как третье место: интеграция подходов // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 85. С. 189–196. doi: 10.17223/1998863X/85/16

Original article

URBAN HETEROTOPIA AS THE THIRD PLACE: INTEGRATION OF APPROACHES

Georgii D. Sharov

*National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation,
gdsharov@hse.ru*

Abstract. The article justifies the integration of the concepts of heterotopia and the third place. The concept of the third place introduced by Ray Oldenburg, despite its popularity, has a serious drawback – the third place is described based on the experience of white American males who work full-time and are representatives of the middle class. Thus, the concept appears to be “elitist”, not taking into account the experience of more vulnerable social groups who may have their own alternative places. The integration of Michel Foucault’s concept of heterotopia can solve this problem, but this concept appears to be both large-scale and vague, so attempts have been made to define heterotopia through real examples in urban space. Examples show that urban heterotopia is characterized by polarized relations with other urban spaces and simultaneous isolation and permeability. Polarization can be expressed in the artificial creation of elitist spaces for certain social groups, or heterotopia itself performs the function of forming alternative social and cultural norms and practices without involving the entire urban space. Such an alternative view can act not only as a repulsive factor indicating the marginality of the place, but also, on the contrary, as a factor of attractiveness, distinguishing heterotopia from other places. In the article, garage-building cooperatives are considered as an example of a heterotopic third place. Signs of the third place are characteristic of such cooperatives, despite their other intended use – storing cars. At the same time, against the background of the crisis of masculinity, garages have become a space of alternative discourse for male car enthusiasts, thereby giving rise to a garage heterotopia. Thus, the example of garages shows that, by applying the approaches of

Oldenburg and Foucault together, we expand the understanding of the third place and get the opportunity to identify them not only for the middle class, but also for other more vulnerable social groups.

Keywords: third place, heterotopia, garage-building cooperatives, social inequality, social space

For citation: Sharov, G.D. (2025) Urban heterotopia as the third place: integration of approaches. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 85. pp. 189–196. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/85/16

Введение

Одним из характерных признаков современного города является наличие публичной сферы. Концепт публичной сферы возникает у Юргена Хабермаса в книге «Структурное изменение публичной сферы» [1]. В его понимании, публичная сфера является объединением частных лиц в публику с целью публичного обсуждения («Räsonnement»). При этом для функционирования публичной сферы необходимы специальные места. Хабермас называет эти места «институтами публичной сферы». Однако Хабермас в своей работе опирается прежде всего на примеры из XIX в. Дальнейшее развитие концепта публичной сферы с рассмотрением современных примеров привело к появлению популярной на сегодняшний день концепции «третьего места» Рея Ольденбурга. В то же время существуют и другие подходы к исследованию городских пространств. В конце 1980-х гг. в гуманитарных науках происходит пространственный поворот [2]. Исследователи обращают внимание на социальный аспект пространства, их внимание сосредоточивается на городе. Важной частью пространственного поворота стала концепция гетеротопий Мишеля Фуко, демонстрирующая пространственное воплощение альтернативного социального порядка.

В настоящий момент исследователями не было предпринято попыток рассмотреть городское пространство, одновременно применяя обе концепции. В этой статье мы рассмотрим, может ли городская гетеротопия потенциально быть третьим местом. Для этого мы выделим характерные черты третьих мест и гетеротопий, рассмотрим проблемы обеих концепций и применим их для анализа конкретного примера. В качестве предмета исследования мы выбрали пример третьего места, имеющего признаки городской гетеротопии, – гаражно-строительные кооперативы.

Проблема третьих мест

Вначале мы рассмотрим подробнее, что собой представляет третье место. Ольденбург выделяет 8 признаков третьих мест [3]. Во-первых, третьи места нейтральны. Люди могут свободно посещать или не посещать эти места и проводить там столько времени, сколько хочется. Во-вторых, третьи места выступают как «уравнители». То есть посетители третьих мест оставляют свои социальные роли и привилегии «за порогом», и выступают на равных. В-третьих, основная деятельность в третьих местах – общение. В-четвертых, третьи места удобно расположены рядом с первыми и вторыми местами и там почти наверняка можно встретить знакомых людей. В-пятых, третьи места обладают постоянными посетителями – завсегдатаями. Именно завсегдатаи формируют образ конкретного третьего места. В-шестых, третьи

места просты и уютны, в них отсутствуют претенциозность и пафос. В-седьмых, беседа в третьих местах лишена серьезности, а настроение посетителей – остроумное и игривое. Наконец, в-восьмых, третье место должно восприниматься как «дом вдали от дома».

В то же время концепция Ольденбурга не лишена слабых мест. Так, концепт третьего места сформирован исходя из опыта определенной социальной группы – белых американских мужчин, работающих полный рабочий день и являющихся представителями среднего класса [4]. Опыт третьего места для других социально-демографических групп может быть разным вплоть до того, что некоторые третьи места становятся эксклюзивными для определенных социальных групп [5]. В то же время появляются эксклюзивные третьи места для уязвимых социальных групп, например, парикмахерские для афроамериканцев [6]. Таким «другим» третьим местам исследователи не уделяют большого внимания. Таким образом, концепция представляется элитистской, не учитывающей опыт более уязвимых социальных групп, у которых могут быть собственные альтернативные места. Решить эту теоретическую проблему может интеграция концепции гетеротопий Мишеля Фуко.

Городские гетеротопии

Концепция гетеротопий была предложена Мишелем Фуко в статье «Другие пространства» [7]. Он выделяет шесть принципов гетеротопий. Первый принцип гетеротопий – «в мире нет ни одной культуры, не образующей гетеротопий» [7. С. 197]. Это значит, что в любом человеческом сообществе есть гетеротопии. Типологически Фуко их разделяет на кризисные и девиационные. Кризисные гетеротопии более присущи домодерновым обществам, это такие гетеротопии, в которые помещаются индивиды, находящиеся в переходном, кризисном состоянии (например, в состоянии полового созревания, менструации или родов). Девиационные гетеротопии появляются в обществе модерна. Туда помещают индивидов с девиационным поведением, т.е. таким поведением, которое отличается от принятой в обществе нормы. Такими девиационными гетеротопиями можно считать места лишения свободы, психиатрические больницы и дома отдыха (досуг, по Фуко, – отклонение от нормы).

Согласно второму принципу, гетеротопии функционируют по-разному в разные периоды времени. В качестве примера Фуко приводит городские кладбища. До XIX в. городские кладбища было принято размещать в центре городов, однако затем они были вытеснены на периферию. Это связано с разным отношением к мертвым и смертью как таковой. До XIX в. отношение к смерти было более флегматичным, а захоронения чаще всего были коллективными. Однако постепенно людей стали хоронить в индивидуальных гробах, а значит, для захоронений понадобилось больше места, которого в центре города было немного. В связи с этим кладбища стали оттесняться на периферию [7. С. 198].

Третий принцип: гетеротопии могут совмещать в себе несколько пространств. Этот принцип наиболее заметен в кинозале, где на плоскую поверхность экрана происходит проекция трехмерного пространства, как бы создавая для зрителя пространство фильма, за которым он наблюдает, находясь при этом в реально существующем помещении [7. С. 200].

Четвертый принцип: находясь в гетеротопии, человек находится в разрыве с традиционным временем. Здесь Фуко снова вспоминает кладбище, поскольку кладбище для индивида одновременно означает и конец жизни, и обретение «вечности» [7. С. 200].

Пятый принцип: гетеротопии одновременно изолированы и проницаемы. Это означает, что попасть внутрь гетеротопии можно только с помощью некоего «разрешения» или помещение в гетеротопию происходит принудительно. Так, мы не можем свободно войти на территорию тюрьмы. Чтобы туда попасть, мы либо должны обладать разрешением (например, работать в исправительных органах), либо совершить ряд противоправных действий, которые приведут к назначению судом наказания в виде лишения свободы [7. С. 202].

Последний, шестой, принцип гетеротопий заключается в том, что отношения гетеротопии и остального пространства поляризованы. Эта поляризация может быть выражена через создание иллюзорного пространства, которое изобличает реальное пространство (например, пространство публичного дома), или через создание компенсаторного пространства, которое в той степени организовано, в какой степени дезорганизовано остальное пространство. Такими компенсаторными пространствами Фуко считает первые колонии в Америке, которые являлись попыткой создать идеальное общество в противовес традиционной Европе [7. С. 203].

Несмотря на то, что исследователи выделяют гетеротопии как важную концепцию, позволяющую обрести новый способ пространственного мышления [8] и осмыслить пространственное воплощение альтернативного социального порядка [9], эта концепция кажется очень масштабной и в то же время недостаточно определенной [10. Р. 4]. В связи с этим предпринимались множественные попытки определить гетеротопию через реальные примеры в городском пространстве.

Одним из таких примеров, как считает Сета Лоу, можно считать охраняемые жилые комплексы («gated community») [11]. Охраняемый жилой комплекс представляет собой жилое пространство, имеющее физические барьеры, ограниченный вход и собственную службу безопасности, следящую за порядком внутри жилого комплекса. Наибольшее распространение они получили в США, однако такие жилые комплексы есть и в других странах, включая Россию [12]. Причины, по которым люди переезжают в охраняемые жилые комплексы, определяют гетеротопичность этих пространств. Во-первых, охраняемые ЖК имеют ограниченный доступ. Так же, как и в другие гетеротопии, чтобы попасть в охраняемый ЖК, необходимо иметь специальное разрешение. Во-вторых, жители охраняемых ЖК воспринимают их как «безопасное убежище от насилия со стороны общества» [11. Р. 155]. Подобное восприятие характеризует полярность отношений охраняемых жилых комплексов с остальным городским пространством, что является одним из признаков гетеротопий. Однако, по мнению Лоу, закрытые ЖК не решают проблему безопасности. Исследовательница считает, что в них создается иллюзия безопасности, а работа воображения порождает гетеротопичность закрытых ЖК. Однако, по мнению Лоу, «главным аргументом в пользу того, чтобы назвать закрытый жилой комплекс гетеротопией, может быть его происхождение как викторианское жилище для развлекательного класса, курорт

и учреждение для престарелых. Он открывает „пространство праздника“ в противовес пространству повседневности» [11. Р. 162]. Иначе говоря, жители закрытых жилых комплексов берут за основу повседневной жизни отпуск от повседневной жизни, лишая себя ощущения сообщества, ведь социальные контакты жителей закрытых ЖК сведены к минимуму.

Кэтлин Керн рассматривает в качестве гетеротопии гибрид торгового центра и улицы – «торговые центры без стен» [13]. Подобные торговые центры распространены в Северной Америке, они расположены в пригородах и представляют собой торговый центр под открытым небом со стилизацией улицы. Сами проектировщики называют подобные места «центрами образа жизни» («Lifestyle center»), поскольку в них, помимо магазинов, присутствуют различные нестандартные архитектурные решения, кафе, рестораны, проводятся публичные мероприятия. Основная цель «центров образа жизни» – дать урбанистический опыт улицы для состоятельных покупателей, оградив их при этом от негативного опыта настоящей улицы в виде грязи, бездомных и попрошаек. Сама суть уличного торгового центра является гетеротопичной, так как улица – это демократичное и инклюзивное пространство, но при этом «коммерческие улицы» социально однородны и на них поддерживается строгий порядок частными охранными предприятиями.

Однако приведенные выше примеры касаются искусственного создания элитистских пространств для определенных социальных групп, намеренно порождая отношения поляризации в городском пространстве. В то же время эта поляризация может быть выражена в обратную сторону: сама гетеротопия выполняет функцию формирования альтернативных социальных и культурных норм и практик, не задействуя городское пространство целиком. Такой альтернативный взгляд может выступить не только как отталкивающий фактор, указывающий на маргинальность места, но и наоборот, как фактор привлекательности, выделяющий гетеротопию на фоне других мест, потенциально формируя новую туристическую дестинацию. Такой дестинацией, например, стал культурный центр «Метелкова», расположившийся в бывших военных казармах в Любляне. В то же время вокруг «Метелкова» существует конфликт, поскольку «Метелкова» «одновременно существует как часть бренда креативного города и как автономное пространство, разграниченное и противопоставленное политической, социальной и экономической деятельности города» [14]. Тем не менее «Метелкова» выполняет важную функцию пространства для возникновения и сохранения альтернативной публичной сферы.

Похожий и более известный пример – ночной клуб «Бергхайн» в Берлине. С одной стороны, Бергхайн является культовым местом и официально имеет юридический статус «культурного центра», поскольку предоставляет уникальный социальный и культурный опыт, с другой стороны – известно, что владельцы Бергхайн пускают не всех и проводят тщательный осмотр всех желающих попасть внутрь, поэтому этот опыт доступен не для всех [15]. Тем не менее желающих попасть в Бергхайн всегда очень много, а посетившие клуб пишут статьи с рекомендациями о том, как туда попасть [16].

Таким образом, в современном городе гетеротопии характеризуются прежде всего поляризованностью отношений с другими городскими пространствами, одновременной изолированностью и проницаемостью и либо

защищают социальную группу, помещенную в гетеротопию, от различных потенциальных опасностей путем коммерциализации, либо сами выступают пространством производства альтернативных норм и практик.

Городская гетеротопия как третье место

Рассмотрев признаки третьего места и городских гетеротопий, мы можем охарактеризовать гаражно-строительные кооперативы как уникальный постсоветский пример гетеротопичного третьего места. Так, признаки третьего места характерны для ГСК, несмотря на то, что изначально они задумывались как места исключительно для хранения автомобилей. Исследование фонда «Хамовники» показало, что гаражи на самом деле имеют более разнообразные сценарии использования, связанные с общением и досугом, характерные для третьего места. Прежде всего, это связано с тем, что с момента разрешения в СССР строительства гаражных боксов в рамках кооператива регулирование и контроль со стороны государства в этой сфере постепенно ослабевали [17]. В то же время, помимо досуга и общения, в гаражах открывают небольшие производства, однако, как отмечают исследователи, подобная занятость носит «ремесленный» характер, и она направлена на поддержание социальных связей в гаражном сообществе и собственное жизнеобеспечение, а не на получение прибыли и накопление капитала.

Так, гараж стал не только хранилищем автомобиля, но и пространством «альтернативной формы коммуникации в сообществе автолюбителей – прежде всего мужчин» [18. С. 15]. Гендерный аспект в гаражной гетеротопии играет ключевую роль, поскольку позднесоветское общество характеризовалось кризисом маскулинности. Как отмечает Кирилл Кобрин, «муж <...> чаще всего сидел на кухне в майке и трусах и пил водку. И вообще – мешался под ногами. Самые умные мужья уходили играть в шахматы или в футбол с друзьями. Те, у кого уже была машина, уходили в гараж. Так гаражи стали мужским клубом, алтарем позднесоветского выпадения мужчин из семейной жизни» [19].

Отметим, что и американский гаражный опыт, несмотря на очевидную разницу двух стран, имеет схожие черты: американский гараж тоже стал пространством для побега от семейной жизни в пространство экспериментов. Это выразилось, например, в появлении множества успешных транснациональных корпораций, таких как Disney, Hewlett-Packard, Apple, Amazon и Google, которые начинались как гаражные стартапы. Гендерный аспект так же, как и в позднем СССР, в гаражной культуре США имеет важное значение: «Порожденный модернистской архитектурой, в которой доминировали цисгендерные мужчины, сегодня гараж выступает сосудом для актуального кризиса маскулинности» [20. С. 25]. Кризисная ситуация порождает девиационное поведение, существующее в пространстве гаража, превращая гараж, таким образом, в городскую гетеротопию.

Таким образом, пример гаражей показывает, что, применяя совместно подходы Ольденбурга и Фуко, мы расширяем понимание третьего места. Городские гетеротопии, выступая как пространство производства альтернативных норм и практик, позволяют выявлять третьи места не только для среднего класса, но и для других более уязвимых социальных групп. Городские пространства, на первый взгляд кажущиеся маргинализированными, на деле

могут оказаться важнейшими местами для некоторых сообществ, не обладающих определенным уровнем капитала. Примеры третьих мест из оригинальной концепции Ольденбурга для них могут быть недоступны, поэтому городские гетеротопии выступают альтернативой.

Список источников

1. Хабермас Ю. Структурное изменение публичной сферы. М. : Весь мир, 2016. 344 с.
2. Бахманн-Медик Д. Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре. М. : Новое литературное обозрение, 2017. 504 с.
3. Ольденбург Р. Третье место: кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места «тусовок» как фундамент сообщества. М. : Новое литературное обозрение, 2014. 456 с.
4. Aldrich R., Rudman D.L., Fernandes K., Nguyen G., Larkin S. (Re)making 'third places' in precarious times: Conceptual, empirical, and practical opportunities for occupational science // Journal of Occupational Science. 2024. Vol. 3, № 4. P. 721–739.
5. Finlay J., Esposito M., Kim M.H., Gomez-Lopez I., Clarke P. Closure of 'third places'? Exploring potential consequences for collective health and wellbeing // Health & Place. 2019. Vol. 6.
6. Rhubart D., Sun Y., Pendergrast C., Monnat S. Sociospatial Disparities in "Third Place" Availability in the United States // Socius. 2022. № 8.
7. Фуко М. Другие пространства // В.П. Большаков, Мишель Фуко. Интеллектуалы и власть. Ч. 3: Статьи и интервью 1970–1984. М. : Праксис, 2016. С. 191–204.
8. Soja E. Thirdspace: Journeys to Los Angeles and Other Real-and-Imagined Places. Cambridge : Blackwell Publishers, 1996. 334 p.
9. Hetherington K. The Badlands of modernity: Heterotopia and social ordering. London : Routledge, 1997. 164 p.
10. Dehaene M., De Cauter L. Heterotopia and the City. Abingdon : Routledge, 2008. 345 p.
11. Low S. The gated community as heterotopia // Dehaene M., De Cauter L. Heterotopia and the City. Abingdon : Routledge, 2008. P. 153–163.
12. Птичникова Г.А., Антофеев А.В. Новые морфотипы архитектурного пространства современных городов // Социология города. 2014. № 2. С. 5–19.
13. Kern K. Heterotopia of the theme park street // Dehaene M., De Cauter L. Heterotopia and the City. Abingdon : Routledge, 2008. P. 105–115.
14. Siegrist N., Thörn H. Metelkova as Autonomous Heterotopia // Antipode. 2020. Vol. 52, № 6. P. 1837–1856.
15. Bartmanskii D., Weidenhaus G. Emplaced Qualities // Quaderni di Sociologia. 2023. № 92–93. LXVII. P. 9–30.
16. Полный гид по клубу Бергхайн / Илья Бирман. URL: <https://ilyabirman.ru/meanwhile/all/berghain-guide/> (дата обращения: 22.12.2024).
17. Селеев С.С., Павлов А.Б. Гаражники. М. : Страна Оз, 2016. 168 с.
18. Мирская М.Л. Автомобиль в советской культуре : препринт WP20/2013/03. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. 48 с.
19. Кобрин К.Р. Советский гараж: история, гендер и меланхолия // Неприкосновенный запас. 2016. № 107.
20. Эрлангер О., Говела Л.О. Гараж. М. : Strelka Press, 2020. 215 с.

References

1. Habermas, J. (2016) *Strukturnoe izmenenie publichnoy sfery* [The Structural Transformation of the Public Sphere]. Translated from German. Moscow: Ves' mir.
2. Bachmann-Medick, D. (2017) *Kul'turnye povoroty. Noveye orientiry v naukakh o kul'ture* [Cultural Turns: New Orientations in the Study of Culture]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
3. Oldenburg, R. (2014) *Tret'e mesto: kafe, kofeyni, knizhnye magaziny, bary, salony krasoty i drugie mesta "tusovok" kak fundament soobshchestva* [The Great Good Place: Cafés, Coffee Shops, Bookstores, Bars, Hair Salons, and Other Hangouts at the Heart of a Community]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
4. Aldrich, R., Rudman, D.L., Fernandes, K., Nguyen, G. & Larkin, S. (Re)making 'third places' in precarious times: Conceptual, empirical, and practical opportunities for occupational science. *Journal of Occupational Science*. 3(4). pp. 721–739.

5. Finlay, J., Esposito, M., Kim, M.H., Gomez-Lopez, I. & Clarke, P. (2019) Closure of 'third places'? Exploring potential consequences for collective health and wellbeing. *Health & Place*. 6. DOI: 10.1016/j.healthplace.2019.102225
6. Rhubart, D., Sun, Y., Pendergrast, C. & Monnat, S. (2022) Sociospatial Disparities in "Third Place" Availability in the United States. *Socius*. 8. DOI: 10.1177/23780231221090301
7. Foucault, M. (2016) *Mishel' Fuko, Intellektualy i vlast'* [Michel Foucault, Intellectuals and Power]. Vol. 3. Translated from French. Moscow: Praxis. pp. 191–204.
8. Soja, E. (1996) *Thirdspace: Journeys to Los Angeles and Other Real-and-Imagined Places*. Cambridge: Blackwell Publishers.
9. Hetherington, K. (1997) *The Badlands of Modernity: Heterotopia and Social Ordering*. London: Routledge.
10. Dehaene, M. & De Cauter, L. (2008) *Heterotopia and the City*. Abingdon: Routledge.
11. Low, S. (2008) The gated community as heterotopia. In: Dehaene, M. & De Cauter, L. (2008) *Heterotopia and the City*. Abingdon: Routledge. pp. 153–163.
12. Ptichnikova, G.A. & Antyufeyev, A.V. (2014) Novye morfotipy arkhitekturnogo prostranstva sovremennykh gorodov [New Morphotypes of Architectural Space in Modern Cities]. *Sotsiologiya goroda*. 2. pp. 5–19.
13. Kern, K. (2008) Heterotopia of the theme park street. In: Dehaene, M. & De Cauter, L. (2008) *Heterotopia and the City*. Abingdon: Routledge. pp. 105–115.
14. Siegrist, N. & Thörn, H. (2020) Metelkova as Autonomous Heterotopia. *Antipode*. 52(6). pp. 1837–1856.
15. Bartmanski, D. & Weidenhaus, G. (2023) Emplaced Qualities. *Quaderni di Sociologia*. 92–93. LXVII. pp. 9–30.
16. Birman, I. (n.d.) *Polnyy gid po klubu Bergkhayn* [The Complete Guide to Berghain Club]. [Online] Available from: <https://ilyabirman.ru/meanwhile/all/berghain-guide/> (Accessed: 22nd December 2024).
17. Selee, S.S. & Pavlov, A.B. (2016) *Garazhniki* [Garage People]. Moscow: Strana Oz.
18. Mirskaya, M.L. (2013) *Avtomobil' v sovetskoy kul'ture: preprint WP20/2013/03* [The Automobile in Soviet Culture (Preprint WP20/2013/03)]. Moscow: HSE.
19. Kobrin, K.R. (2016) Sovetskiy garazh: istoriya, gender i melankholiya [The Soviet Garage: History, Gender, and Melancholy]. *Neprikosnovenny zapas*. 107.
20. Erlanger, O. & Govela, L.O. (2020) *Garazh* [Garage]. Moscow: Strelka Press.

Сведения об авторе:

Шаров Г.Д. – аспирант Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). E-mail: gdsharov@hse.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Sharov G.D. – postgraduate student, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: gdsharov@hse.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 25.01.2025;
одобрена после рецензирования 28.05.2025; принята к публикации 30.06.2025
The article was submitted 25.01.2025;
approved after reviewing 28.05.2025; accepted for publication 30.06.2025